

Глава 40. Час расставания

Ночь стояла глубокая, но сон к Пэй Буцзюэ не шёл. Он замер, полуприкрыв веки от скуки. Раньше ему никогда не приходилось делить ложе с живым существом, тем более с кем-то столь беззащитным, как Дуань Иньхэ.

Юноша спал беспокойно: во сне он медленно перевернулся и прижался прохладной щекой к плечу демона. Пэй Буцзюэ ощутил на своей коже его ровное, безмятежное дыхание. В этот миг Дуань Иньхэ напоминал маленького зверя, который в поисках тепла и защиты прильнул к своему хозяину.

Он долго хранил молчание. Не став поправлять спящего, Пэй Буцзюэ просто закрыл глаза и принялся в уме разыгрывать партию с самим собой.

Однако этой ночью камни ложились на доску с великим трудом. Спустя время он мысленно смёл рассыпавшуюся партию и напомнил себе: в искусстве игры и в искусстве владения мечом заложен один и тот же принцип.

«Сердце должно быть непоколебимо.

Стоит лишь раз дрогнуть, поддавшись сомнению, — и вся партия будет проиграна»

Он безмолвно погрузился в созерцание внутренней тьмы, пока Дуань Иньхэ, на удивление не видевший в ту ночь снов, доверчиво почивал на его плече.

Проснувшись, Дуань Иньхэ увидел Пэй Буцзюэ — тот уже сидел за столом и лениво приводил в порядок волосы перед зеркалом. Некоторое время юноша заворожённо смотрел ему в спину, а затем подошёл и тихо спросил:

— Тебе удалось отдохнуть?

Пэй Буцзюэ бросил на него короткий взгляд и отозвался:

— Нет.

Заметив на лице Дуань Иньхэ тень вины, он нарочито медленно добавил:

— Кто же виноват, что ты всю ночь обнимал меня и не отпускал, как бы я ни старался отстраниться?

Дуань Иньхэ замешкался.

— Я... — неуверенно возразил он, — я обычно сплю очень спокойно.

Пэй Буцзюэ негромко рассмеялся. Некоторое время он изучающе разглядывал юношу, а затем внезапно перехватил его ладонь и прижал её к своей щеке. Он заговорщицки подмигнул и, пользуясь своим безупречным обликом, с лукавой улыбкой спросил:

«Уверен?»

Решимость Дуань Иньхэ мгновенно испарилась. Глядя в это лицо, он и сам готов был поверить, что способен на подобное. Смущённо кашлянув, он взял из рук демона деревянный гребень:

«Давай... давай я помогу тебе с причёской»

Губы Пэй Буцзюэ тронула улыбка. Он чувствовал, с каким благоговением юноша перебирает его длинные пряди, бережно вонзая гребень в волосы и плавно ведя его к самым кончикам.

Почему-то на ум Дуань Иньхэ пришла старая народная песня.

«Один взмах гребня до самых кончиков — и до седины в согласии рука об руку»

Хотя он и Пэй Буцзюэ не состояли в таких отношениях, в зеркале отражались две фигуры, окутанные тишиной и покоем. С опущенными веками и мягкими чертами лица, они казались призрачным видением, рождённым в дымке весеннего дождя.

Дуань Иньхэ подумал, что не отказался бы продлить эти мгновения навечно.

К несчастью, безмятежную атмосферу нарушил стук в дверь. Пэй Буцзюэ бросил небрежное «войди», и Дуань Иньхэ увидел на пороге Лю Цина.

Рука с гребнем дрогнула, запутавшись в волосах Пэй Буцзюэ. Не заботясь о причёске, юноша отложил гребень и преградил гостю путь.

— Уходи немедленно, — вполголоса бросил он.

Лю Цин когда-то помог ему, присылая лекарства, и Дуань Иньхэ не желал его смерти в стенах Тучуань Гу. Однако он не мог допустить, чтобы история с «Порошком очищения духа» повторилась.

Лю Цин поспешил оправдаться: он якобы пришёл лишь для того, чтобы принести целебных

плодов Дуань Иньхэ, который ещё не достиг стадии воздержания от пищи.

Но Дуань Иньхэ не верил ему. Отрезав, что не голоден, он, не дав гостю сделать и шага в комнату, выставил его за порог.

Лю Цин не сопротивлялся — было очевидно, что фрукты служили лишь предлогом. Уходя, он поспешно сунул в руку Дуань Иньхэ записку и скрылся.

Почерк в записке был безупречно ровным и строгим. Он ни капли не походил на те нелепые каракули, что красовались на флаконах с лекарствами, которые таинственным образом появлялись у его постели.

Нахмурившись, Дуань Иньхэ развернул листок:

«После битвы в Дунли гнев истинных владык на Пэй Буцзюэ не знает границ. Недавно фея Мяо Юй внедрила в его душу наньцзянское Гу любви. Этот паразит не отторгается организмом, но пробуждается лишь тогда, когда Пэй Буцзюэ познает истинную любовь. Если наш поход на Тучуань Гу не увенчается успехом, мы заклинаем бессмертного господина сделать всё возможное, чтобы заставить демона испытать к нему искренние чувства»

От каждой строчки у Дуань Иньхэ холодело в груди. Осада Тучуань Гу, это Гу любви... Теперь стало ясно, почему вчера Пэй Буцзюэ настаивал, чтобы он ушёл тренироваться в тайное измерение!

Первым порывом юноши было предупредить демона о коварном плане. Но прежде чем он успел вымолвить хоть слово, из комнаты донёлся звон разбитого фарфора.

Дуань Иньхэ застыл, глядя, как чаша в руках Пэй Буцзюэ падает на пол. Осколки разлетелись с резким звуком, и в тот же миг юноше показалось, что его собственное сердце рассыпается в прах.

В уголках глаз Пэй Буцзюэ проступили кровавые следы, сделав его алые зрачки ещё более яркими и пугающими. Но эта красота полоснула по сердцу Дуань Иньхэ острой бритвой.

Он почувствовал, как из груди уходит весь воздух. Мир перед глазами поплыл, и он, ведомый лишь инстинктом, бросился к Пэй Буцзюэ. Он бережно обхватил ладонями лицо демона, в отчаянии выкрикивая его имя.

Пэй Буцзюэ мягко отстранил его.

— Ты слишком шумишь, Дуань Иньхэ, — невозмутимо произнёс он.

Взглянув на юношу, он заметил, как в его обычно спокойных глазах закипают слёзы. Края век покраснели — казалось, вот-вот начнётся настоящий ливень.

Пэй Буцзюэ на миг замер.

Услышав замечание, Дуань Иньхэ и впрямь затих. Он стоял, покорно притихнув, и лишь горячие слёзы беззвучно катились по его щекам, обжигая пальцы Пэй Буцзюэ.

Демон, явно озадаченный, протянул руку и коснулся его глаз:

— Тебе и вправду так больно?

В следующее мгновение Дуань Иньхэ прильнул к нему, крепко обняв.

Пэй Буцзюэ почувствовал, как тело юноши содрогается. Казалось, тот вложил в это объятие все свои силы, боясь, что стоит ему разжать руки — и демон исчезнет навсегда.

Но Пэй Буцзюэ не мог его утешить. Его побледневшие губы окрасились ярко-алым. Капли крови стекали по подбородку, падая на красные одежды и расплываясь на них, словно вышитые лепестки лотоса.

Сердце Дуань Иньхэ сжалось от невыносимой, тягучей боли. Стараясь не выдать своего смятения, он незаметно стёр следы крови со своих рук и, заставив голос звучать ровно, прошептал:

«Я просто... я просто испугался. Не волнуйся, в этом нет ничего страшного. Я обязательно найду способ исцелить тебя»

С этими словами он мягко протёр лицо Пэй Буцзюэ шёлковым платком и добавил:

«Я скоро вернусь. Пожалуйста, подожди меня»

Он решительно распахнул дверь и направился в ту сторону, где скрылся Лю Цин. В его взгляде теперь сверкала холодная сталь.

Пэй Буцзюэ медленно поднял глаза, глядя вслед ушедшему юноше.

Прямо смотреть в глаза демона всегда было под силу немногим. Даже когда он казался кротким, в его взгляде таились отголоски чужих страданий. Глядя в них, человек словно видел

отражение собственной алчности и злобы.

Интриги Пэй Буцзюэ всегда начинались с первого же обмена взглядами; он неустанно следил за своей добычей, оставаясь в тени. Будь то Лю Цин — этот незадачливый соглядатай, — или враги, которых он безжалостно вырезал в Дунли.

Заточённый в его сознании 059 мог лишь бессильно наблюдать за происходящим.

«Вы заставили Дуань Иньхэ поверить, что поражены Гу любви, — произнесла система. — Теперь, терзаемый виной, он бросится на поиски лекарства. А когда поймёт, что бессилён, — сам предложит вырвать свою кость ради твоего спасения»

Пэй Буцзюэ негромко кашлянул и без тени эмоций стёр кровь с губ.

«Зачем заставлять верить? — с усмешкой отозвался он. — Чтобы игра была безупречной, мне действительно пришлось позволить им внедрить этот паразит»

«Неужели чувства можно подделать столь искусно?» — 059 был потрясён. В его представлении носители были не «белыми лунными светами», а гениальными актёрами.

Демон опустил веки.

«Искренни эти чувства или нет — совершенно неважно»

Кровь затуманила его зрачки, и теперь они напоминали чаши из тончайшего фарфора, покрытые красной глазурью. В его облике, обычно пугающем или масочно-приветливым, проступила хрупкая болезненность. Казалось, это изящное творение может рассыпаться в пыль в любую секунду.

Глядя на него, 059 сердито фыркнул:

«Вот видишь. Если бы ты не заблокировал мои функции, я бы мог сейчас избавить тебя от этой боли»

Пэй Буцзюэ бросил на систему насмешливый взгляд в море сознания:

«Приглушить чувства? Ты и вправду думаешь, что я сам на это не способен?»

059 предпочёл замолчать.

Взгляд демона упал на два флакона с лекарствами, исписанных его собственным косолапым

почерком. Спустя мгновение он недовольно отвернулся, словно не желая признавать своё авторство.

Лишь он один знал истинную причину своего поступка. Эти снадобья были приготовлены по рецептам, которые он сам составил сотни лет назад. Тогда он вывел их для себя — для того, кем он так и не смог стать.

Лю Цин, увидев возвращающегося Дуань Иньхэ, замер в изумлении. Он не успел даже раскрыть рта, как перед глазами вспыхнуло алое пламя. Клинок Дуань Иньхэ полоснул его по горлу, и на землю брызнула горячая кровь.

Лю Цин поспешно направил духовную энергию к сердцу, чтобы защититься, и нанёс встречный удар ладонью, не щадя сил.

От этого удара в теле Дуань Иньхэ с треском отозвались и без того повреждённые каналы. Однако юноша не отступил. Напротив, он с яростью вогнал меч ещё глубже и ледяным тоном спросил:

— Как снять Гу любви?

Понимая, что из этой ловушки не выбраться, Лю Цин искажился в лице и прохрипел:

— Ты обезумел, Дуань Иньхэ?! Я не фея Мяо Юй, откуда мне знать?!

— Неужели во Дворце Ваньсянь нет никаких записей?

— Есть... есть! В хранилище на третьем этаже! Там наверняка найдёшь ответ!..

Дуань Иньхэ коротко кивнул.

— Где сейчас Мяо Юй?

— В Альянсе Бессмертных, разумеется... кха-кха...

— Последний вопрос, — медленно произнёс юноша. — Это ведь не ты присылал мне те флаконы с записками?

— Нет... Клянусь, я никогда не пытался причинить тебе вред...

Едва он договорил, лезвие окончательно перерезало ему горло. Брызги крови окрасили бледное, изящное лицо Дуань Иньхэ, придав его облику пугающую, почти демоническую красоту.

Он спокойно убрал оружие.

— Теперь, когда я знаю, что это не ты, мне стало легче. Прости, сейчас мне слишком горько, так что за «Порошок очищения духа» мы тоже в расчёте.

Лю Цин рухнул к его ногам. До последнего вздоха он так и не понял, почему Дуань Иньхэ поднял на него руку ради Пэй Буцзюэ.

Да и сам Дуань Иньхэ не мог до конца осознать, что узнал о чувствах демона таким страшным способом. Пэй Буцзюэ любит его — иначе Гу бы не пробудилось.

Когда Дуань Иньхэ казалось, что его жизнь зашла в тупик, появился Пэй Буцзюэ. Он сражался за него, исцелял его раны, заставил вновь поверить в свои силы... Неясные, робкие чувства начали пускать ростки в его душе, но, не успев расцвести, столкнулись с жестокой бедой.

Странно, но сейчас ему не хотелось плакать. Он лишь чувствовал, как рукоять меча до боли впивается в ладонь.

Он больше не проклинал свою судьбу «кости меча». Он проклинал лишь собственную слабость.

Пэй Буцзюэ так и не дождался возвращения Дуань Иньхэ в ту ночь. Впрочем, демон ожидал именно такого исхода.

Лишь в предрассветный час он нашёл короткое послание.

Там было всего три слова:

«Жди моего возвращения»

Белый журавль с подрезанными крыльями, рождённый на вершинах горы Сунмин, наконец обрёл голос и в кровавом мареве расправил крылья для полёта.

Дуань Иньхэ добровольно вступал в эту игру, готовясь пройти через тысячи мук ради единственного призрачного шанса спасти того, кто занял все его мысли.

Пэй Буцзюэ едва слышно прошептал:

— ...Глупец.

<http://bllate.org/book/15843/1439845>